

ДЖОН ЛЭНГАН
РЫБАК

Москва
Издательство АСТ

John Langan
THE FISHERMAN

This edition is published by arrangement
with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского: *Григорий Шокин*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

© John Langan, 2016
© Григорий Шокин, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящается Фióне

Может быть, своей бескрайностью она предрекает нам бездушные пустоты и пространства вселенной и наносит нам удар в спину мыслью об уничтожении, которая родится в нас, когда глядим мы в белые глубины Млечного Пути?

...Если представить себе все это, то мир раскинется перед нами прокаженным паралитиком; и подобно упрямым путешественникам по Лапландии, которые отказываются надеть цветные очки, жалкий безбожник ослепнет при виде величественного белого покрова, затянувшего все вокруг него. Воплощением всего этого был кит-альбинос. Уместно ли тут удивиться вызванной им жгучей ненависти?

*Герман Мелвилл. Моби Дик*¹

---

¹ Пер. с англ. Инны Бернштейн.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МУЖЧИНЫ БЕЗ ЖЕНЩИН

1

КАК РЫБАЛКА СПАСЛА МНЕ ЖИЗНЬ

Не надо звать меня Абрахам. Просто Эйб. Хотя имя Абрахам и было мне дано моей матушкой, я его никогда не любил. Оно звучит столь высокомерно, столь по-библейски, столь... *патриархально* — кажется, именно это слово мне нужно. Если и есть в мире такая роль, какую я не играю и играть не хочу,— так это роль *патриарха*, этакого былинного главы семьи. Было время, когда я хотел завести хотя бы одного ребенка, но ныне даже вид детей повергает меня в дрожь.

Несколько лет назад (точную дату не назову) я начал рыбачить. Теперь я уже рыбак со стажем — и, как можете догадаться, знаю пару-тройку историй с этой нивы. Такие уж мы, водопашари, верно? Сами не свои баечку стравить. Некоторые мои байки — из жизни; иные — из уст иных. Солидная их доля рассчитана на то, чтобы позабавить слушателя, заставить его

улыбнуться, а то и хохотнуть разок-другой — и это, поверьте мне, не пустяки: порой немного веселья может вытянуть вас из омута плохих дней. Есть и такие истории, что я величаю странными. Их я знаю немного, но те, что есть у меня в запасе, заставят вас в недоумении поскрести затылок, а то и мурашки по загривку пустят.. что тоже, по-своему, в удовольствие.

А еще есть у меня такая история, что без всяких оговорок кошмарна. Такая, что рассказывать ее не тянет. Произошла она десять лет назад, в первую субботу июня. К концу того дня я лишился хорошего друга, большей части собственного здравомыслия... да что уж там, с жизнью едва-едва не распрощался. Был на волосок от того, чтобы потерять даже *больше*, чем все вышеперечисленное. Я тогда завязал с рыбалкой на доброе десятилетие. И, хоть сейчас и вернулся к ней потихоньку, никакими силами вы меня не затащите в горы Катскилл, к Голландскому ручью,— в то место, что народная молва нарекла *Der Platz das Fischer*¹.

Ручей вы можете сыскать на своей карте, коли проявите толику дотошности. Следуйте к восточной оконечности водохранилища Ашокан, вверх по Вудстоку, а потом — назад, вдоль южной береговой линии. Скорее всего, найдете

---

¹ «Обиталище (место) Рыбака» (нем.) — Здесь и далее примечания переводчика.

не сразу, но теперь-то видите ту жиденькую голубую ниточку, что тянется от водохранилища до Гудзона, на север от Уилтвика? Вот там-то все произошло, ну а что именно — мне до сих пор в толк не взять. Могу поведать лишь о том, что видел и слышал сам. Знаю, что воды Голландского ручья глубоки — залегают куда как глубже, чем возможно, глубже, чем *следует*; и не очень-то мне и хочется думать о том, чем они полнятся. Шел я тогда по лесу в обход ручья, к тому месту, что вы не найдете на своей карте — ни на одной из тех, что продаются на бензозаправках или в магазинах товаров для рыбалки, его нет. Я стоял на берегу океана, чьи волны были цветом подобны чернилам, коими я вывожу эти слова. Я смотрел, как женщина с кожей столь бледной, словно лунный свет, разевает свой рот — открывает все шире, шире и шире, обнажая ряды острых зубов, что сделали бы честь акульим. Я держал старый нож прямо перед собой в безумно дрожащей руке, пока трое беженцев из ночного кошмара все ближе подступали ко мне. Я... да, вообще-то, я тороплю события, забегаю вперед собственному рассказу. Придется поведать вам еще кое о чем. Например, о Дэне Дрешере — старом бедном Дэне, что отправился со мной в горы в то утро. Переказать вам историю Гварда, которая ныне имеет для меня куда больше смысла, чем имела тогда, когда я впервые услышал ее в закускойной

Германа. Научить вас рыбалке, в конце концов. Всему свое время. Плохо сложенных историй я не приемлю. Истории лучше идти своим путем — ее нельзя взять и поставить, как туристическую палатку. История должна литься — как река, как песня... даже если в ней, как в этой, так много беспроглядной тьмы.

Вам, наверное, интересно, почему я так за нее трясусь. Некоторые вещи настолько плохи, что, просто находясь рядом с ними, вы портитесь, в вашей душе остается пятно зла — как голый участок в лесу, на котором ничто уж не произрастет. Возможно ли подобное зло сокрыть в истории? Знаете... маленькие жизненные невзгоды, может, и можно превратить в безобидные анекдоты, рассказанные на вечеринках, но тот случай у ручья — с ним всё по-другому. Он не превратится в анекдот никогда. Он будет нести свою мрачную печать дальше.

Но есть еще кое-что. Есть байка, что мы с Дэном слышали в закускойной Германа. С тех пор как Говард рассказал, что случилось с Лотти Шмидт и ее семьей около девяноста лет назад, я до сих пор не могу выкинуть эту историю из памяти. Сказать, что она мне в мозг въелась, — не сказать ровным счетом ничего. Я могу вспомнить рассказ слово в слово: точно так же, как мог вспомнить Говард, которому обо всем, в свою очередь, рассказал один церковник. Без сомнения, одной из причин живости моей памяти

является то, что история Говарда, кажется, объясняет многое из того, что случилось с Дэном и мной позже, в тот же день. Байка о строительстве водохранилища и о том, что покоится на его дне, беспокоило блуждает по лабиринтам моей памяти. Даже если бы мы прислушались к совету Говарда и не пошли на ручей в тот проклятый день, даже если бы мы развернулись и дали бы стрекача, как, определенно, следовало сделать, услышанное все равно клеймило бы наше дальнейшее бытие. Может ли простая история стать наваждением для слушателя, *овладеть* им? Порой я думаю, что рассказ о событиях той июньской субботы — лишь повод для того старого случая еще разок напомнить о себе миру.

Опять же, однако, я забегаю вперед. Всему свое время — и Лотти Шмидт, и ее папаше Райнеру, и человеку, которого он называл Der Fischer. Так что давайте-ка вернемся к истокам, и я поведаю вам о величайшей страсти моей жизни — таковой я ее полагал в то время: о страсти к рыбалке.

Рыбачить я научился не в детстве, как многие. Отец брал меня с собой раз-другой, но беда была в том, что он и сам не шибко хорошо управлялся с удочкой, так что предпочитал обучать меня тому, что у него самого выходило хорошо: бейсболу и игре на гитаре. Прошло где-то двадцать пять или даже тридцать лет после нашей с ним последней рыбалки, когда я проснулся од-

нажды ночью и понял, что хочу пойти и закинуть удочку — желание в той же степени сильное, что и жажда, порожденная изнуряющей июльской жарой. С чего вдруг мне потребовалось порыбачить? Да если б я только знал. Конечно, положение мое было не из легких: я похоронил жену, с которой мы не прожили вместе и двух лет, жил скучной жизнью, о которой снимают дурацкие сериалы с закадровым смехом, заслушивал до дыр пластинки с кантри. А еще я много пил, и так как отец не научил меня обращаться с бутылкой как следует, ничего хорошего из этого не вышло: сначала полбутылки шотландского виски, потом полбутылки вина, потом судорожные объятия с унитазом. Моя работа тоже медленно, но верно шла коту под хвост: я был системным аналитиком IBM в Покепси и всяко заслуживал увольнения, но мне повезло с начальством — меня отправили в длительный отпуск по болезни. В ту пору айбиэмовцы еще держались достойно — утвердили три месяца отгула с полной оплатой; скажи кому сейчас, не поверят. Почти весь первый месяц я потратил, ловя что-то на дне бесчисленных бутылок. Я ел, когда вспоминал о том, что так надо — то есть довольно-таки редко; основу моего рациона составляли бутерброды с арахисовым маслом и джемом, перемежаемые жареной картошкой. Второй месяц во многом походил на первый, если не считать визитов моего брата и родителей покойной жены, ни

один из которых не прошел в должной степени хорошо, чтобы вспоминать в подробностях. Все мы страдали. Мэри была особенной, не похожей на других. Боль от ее утраты была по нам с той же силой, как боль от коренного зуба, грубо вырванного плоскогубцами: рана открытая и чрезвычайно болезненная, и мы постоянно тормозили ее разными воспоминаниями — просто не могли сказать себе «хватит».

На исходе третьего месяца я проводил дни на диване, у телевизора, вливая в себя все, что попадалось под руку. Как видите, я ничему не научился.

В шкафу в спальне у меня были припрятаны коробки из-под обуви, забытые нашими совместными фотографиями, которые я так и не удосужился расставить по альбомам. Когда алкоголь в моей крови побивал определенную отметку, я доставал их и погружался в летопись нашего с Мэри брака. Вот — та пора, когда мы только-только встретились: начало лета, она стала работать у нас сразу после колледжа, и так получилось, что нам с ней перепал один проект на двоих. Поначалу мы лишь обменивались пустыми любезностями, сталкиваясь в проходе. В сентябре того года на вечеринке в честь Дня труда у Тима Стоффеля мы вдруг очутились за одним картежным столом, что в изобилии были разбросаны по лужайке. Мэри приехала с Дженни Барнетт, но Дженни куда-то